

А. Т. Болотов

**Жизнь и приключения Андрея Болотова
описанные самим им для своих потомков.
Том 4**

1738-1795

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

A11 **А. Т. Болотов**
Жизнь и приключения Андрея Болотова описаны самим им для своих потомков. Том 4: 1738-1795 / А. Т. Болотов –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 710 с.

ISBN 978-5-517-95524-1

Андрей Тимофеевич Болотов (1738-1833) - выдающийся писатель, переводчик, философ, невероятно многогранная развитая личность: достиг больших успехов на сельскохозяйственной и экономической нивах, был первым русским агрономом и одним из создателей пейзажного парка в России. Во многих из областей сельского хозяйства Болотов явился первооткрывателем; он, например, считается основателем отечественной помологии, науки о сортах плодово-ягодных растений. Наиболее известны его биографические и исторические записки: «Жизнь и приключения Андрея Болотова» и «Памятник протекших времен или краткие исторические записки о бывших происшествиях и носящихся в народе слухах», которые он составил в 1789-1816 г.г., в 29 частях. Они занимают исключительное место в русской мемуарной литературе. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1873 года

ISBN 978-5-517-95524-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXII.

(Въ Дворениновѣ, начата февраля 16-го 1810, а кончена октября 31-го дня
того-же года).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ пожарнаго бѣдствія.

1785 годъ.

Письмо 221.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ 1785 годъ началъ я провождать, находясь въ Богородицкѣ и живучи въ мирѣ и тишинѣ и во всякомъ изобиліи. Одно только меня озабочивало, что жена моя была около сего времени не очень здорова. Со всѣмъ тѣмъ, мы достальныя дни святоокъ нашихъ проводили довольно весело въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ своими городскими друзьями и знакомцами. Но въ самый послѣдній день оныхъ перетревоженъ я былъ полученными изъ Козлова письмами. Писали ко мнѣ, что наше спорное межевое дѣло вошло въ находящуюся уже тамъ межевую контору и вскорѣ будетъ разматриваемо, и что для самого сего надобно мнѣ необходимо поспѣшить туда своимъ прѣздомъ.

Извѣстіе сіе озабочило меня чрезвычайно, и тѣмъ паче, что надлежало туда всячески поспѣшить, а путь былъ самой скверной, ибо зима у насъ въ семъ году была самая голая и снѣга было чрезвы-

чайно мало, а отъ осеннихъ дождей вся поверхность земли обледенѣла. Но какъ Ѣзда была самая необходимая и не терпѣла ни малѣйшей отсрочки, то, не долго думая, на другой же день, собравшись на скорую руку, и пустился я въ сей путь, взявшись въ сотоварищество къ себѣ старика - нѣмца нашего переплетчика Ивана Андреевича Банніера, которому случилось тогда имѣть въ Козловѣ какую-то собственную нужду, а я тому и радъ былъ, что мнѣ съ нимъ не таково было скучно.

Ѣзда сія была, по причинѣ дурноты дороги, для насъ крайне беспокойная. Мы Ѣхали чрезъ Данковъ и Ранибургъ, гдѣ пристали мы у знакомца и друга своего Ивана Христофоровича Добраса, бывшаго у насъ въ Богородицкѣ казначеемъ, а тутъ въ Ранибургѣ городничимъ. Сей любезный человѣкъ и его жена обрадовались мнѣ, какъ бы какому родному, и старались угостить меня всячески, и охотно хотѣли снабдить меня кибиткою на колесахъ, для продолженія пути моего, за неимѣніемъ тамъ совсѣмъ почти снѣга. Но, по счастію, въ самую ночь

сю выпалъ изрядный снѣжокъ, и намъ можно было продолжать свой путь въ своихъ прежнихъ повозкахъ, и столь хорошо, что мы въ тотъ же день, и довольно еще рано, доѣхали до Козлова.

Тутъ расположившись на пріпсканной квартиркѣ, спѣшилъ какъ можно скорѣе повидаться съ родственникомъ нашимъ, двоюроднымъ братомъ жены моей, Николаемъ Александровичемъ Каверинъмъ, жившимъ по счастію тогда съ женою своею въ Козловѣ, по случаю, что былъ онъ уѣзднымъ судьею. Сей столько же былъ радъ моему пріѣзду, сколько я тому, что нашелъ въ немъ любезнаго и такова человѣка, который могъ мнѣ быть въ тогдашнемъ случаѣ, по знакомству его со всѣми городскими и межевыми, быть полезнымъ. Онъ съ превеликою охотою брался сдѣлать все, чтѣ только было ему можно. И дѣйствительно: исполнилъ тогда долгъ родства и дружества. Чрезъ его стараніе познакомился я съ межевымъ секретаремъ Дьяковымъ, у котораго наше дѣло было въ новыѣ, и не только переговорилъ съ пимъ обо всемъ нужномъ, но и задобрилъ его подаркомъ. Но скоро открылось, что Ѵзда моя была въ сей разъ въ Козловъ почти по-пустому, и до дѣла нашего далеко еще не доходила очередь; а по причинѣ пѣреноса онаго Пашковымъ въ сенатскую межевую экспедицію, была еще относительно до онаго великая остановка. А самое и сіе причиною тому было, что тогдашнее пребываніе мое въ Козловѣ было кратковременное и не продолжалось болѣе трое сутокъ.

Совсѣмъ тѣмъ и сіп три дни провелъ я тамъ не безъ дѣла, а по крайней мѣрѣ имѣлъ случаѣ спознакомиться съ межевыми судьями, пѣръ коихъ главнымъ былъ тогда баронъ Дельвигъ, а другой г. Гневушевъ, и оба мнѣ незнакомые до того люди, а сверхъ того спознакомиться и со многими другими межевыми и свидѣться со стариннымъ моимъ знакомцемъ и приятелемъ межевщикомъ Золотухинъмъ, такъ и съ свойственникомъ пашшимъ Яковомъ Кузьмичемъ Кузьми-

нымъ. Словомъ: родственникъ мой г. Каверинъ замыкалъ меня, возя съ собою по всѣмъ его знакомымъ. Что-жъ касается до самого его, то я ласкою и угощеніями его меня былъ очень доволенъ, и радѣлся, что нашелъ въ немъ друга и такого человѣка, на котораго дружбу и вспоможеніе могъ я и впредь полагать надежду. Но, увы! Судьба не допустила его оказать мнѣ дальнѣйшей услуги, лишивъ весьма рановременно жизни сего любезнаго и достойнаго человѣка, ибо онъ вскорѣ послѣ того занемогъ и умеръ.

Впрочемъ, относительно до сего пребыванія моего въ Козловѣ памятъ мнѣ особымъ одинъ случай, принудившій меня противъ хотѣнія пить такое питье, котораго и самъ запахъ былъ для мене крайне противенъ, а именно аглицкое пиво, бывшее тогда въ великомъ еще у насъ употребленіи, и, чтѣ смѣшилъ всего, приневоливъ себя къ тому въ угоденіе пьяного межеваго секретаря. Случилось же однажды какъ заѣхали мы къ нему съ Николаемъ Александровичемъ, онъ, будучи ему пріятелемъ и очѣнь ему радъ, ну его поить тѣмъ-и-сѣмъ, и между прочимъ и симъ ненавистнымъ для меня напиткомъ, а вмѣстѣ съ спиртъ и меня всячески упрашивать, чтобы я сдѣлать ему одолженіе и выпилъ. Чтѣ было дѣлать, чтобы не разгнѣвить сего негодяя, до котораго могла мнѣ дойти пужда, принужденъ быть исполнить его хотѣніе и цѣлыхъ два стакана, проклиная его въ умѣ, выпить и перенесть оттого послѣ великую тошноту! Итакъ, сбылась тогда со мною пословица, что «пужда научить всякаго калачи Ѵсть».

Такимъ образомъ, кончивъ все, что было тогда можно сдѣлать, и распрошавшись съ Николаемъ Александровичемъ, котораго я съ того времени болѣе уже не видалъ, пустились мы съ Башніеромъ въ свой обратный путь, и на третій день возвратились опять въ свое мѣсто, въ Богородицкъ.

Тутъ, къ немалому огорченію своему, нашелъ я жену, слегшую даже въ постель, ибо прежняя ея болѣзнь иѣсколько

еще увеличилась, а на другой день получили мы известие, что другой и меньшой братъ Николая Александровича Каверина, Евграфъ Александровичъ, жившій съ женою своею неподалеку отъ насъ, за Епифанью, былъ также при смерти болѣнъ, чтѣ и принудило тещу мою тотчасъ къ нему отправиться, для навѣщенія. А черезъ нѣсколько дней послѣ того услышали мы и о его кончинѣ. И какъ онъ былъ къ намъ отмѣнно ласковъ, то и пожалѣли мы обѣ немъ чувствительно.

Между тѣмъ, отдохнувъ отъ своего путешествія и пользуясь свободнымъ зимнимъ временемъ, принялся я опять за обыкновенія свои комнатныя упражненія. И достопамятно, что я около самаго сего времени основалъ и сдѣлалъ свою картинную книгу, и вмѣстѣ съ симъ трудился я надъ вклейваніемъ въ нее всѣхъ имѣвшихся у меня разнаго рода большихъ и маленькихъ эстамповъ, и что мы съ женою занимались сею работою нѣсколько дней сряду и вклепали въ нее ровно цѣлую тысячу картинъ всякаго рода.

Въ семь упражненій, равно какъ и въ продолженіи сочиненія матеріала для «Экономического Магазина» и въ частыхъ свиданіяхъ съ своими городскими друзьями и углашиваніи многихъ пріѣзжавшихъ къ намъ въ сіе время гостей,—проводилъ я всѣ достальныя дни января мѣсяца, въ которое время имѣлъ я удовольствіе слышать въ первый разъ пѣніе учившихся пѣть ребятишекъ нашихъ, и успѣхомъ наемнаго учителя былъ совершенно доволенъ.

Въ началѣ февраля случилось родить молодой женѣ нашего пристава Петра Максимовича Викулина, и я прошенья былъ быть сей новорожденной дочери его Маріи восприемникомъ. И какъ отецъ оной былъ отмѣнно приверженъ ко мнѣ ласкою и дружествомъ, то и сдѣлалъ я ему сіе удовольствіе и окрестилъ дочь его, вмѣстѣ со старушкою нашею Марьей Юрьевной Петровою. А не успѣли мы сего праздника отпразд-

новать, какъ получено было известие, что командиръ мой г. Давыдовъ возвратился уже изъ Петербурга и находится въ Москвѣ. Я не сомнѣвался тогда, что скоро позоветъ онъ меня въ Тулу къ себѣ, для свиданія, и въ томъ не обманулся. Онъ не успѣлъ въ Тулу пріѣхать, какъ тотчасъ далъ мнѣ о томъ знать и звалъ меня къ себѣ, и я принужденъ былъ тотчасъ къ немуѣхать, и крайне любопытенъ былъ узнать, имѣлъ ли онъ какой успѣхъ по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ, гдѣ надѣялся онъ за чужие труды получить, и Богъ знаетъ какія, милости отъ императрицы. Но услышалъ только отъ него, что планы мои были государынѣ очень угодны, а болѣе ничего; почему и имѣлъ я справедливую причину сомнѣваться въ томъ, имѣлъ ли онъ счастіе быть представлѣннымъ государынѣ и говорить съ нею, или не удостоился и того, а проѣздилъ по-пустякамъ, и потому заключилъ, что всѣ послѣдніе труды мои, употребленные на сочиненіе плановъ, едва ли не пропали по-пустому, и ни мнѣ, и ни ему не принесли ни какой пользы. Впрочемъ, удивилъ онъ меня, сказавъ, что я дни три пожилъ въ Туле и его пообождалъ, предпринимающагоѣхать на самое короткое время въ Калугу, къ намѣстнику. Но какъ мнѣ никакъ не хотѣлось жить столько времени безъ всякаго дѣла въ Туле и я охотнѣе брался пріѣхать къ нему вторично изъ Богородицка, то и не сталъ онъ меня держать и отпустилъ домой.

Такимъ образомъ случилось мнѣ тогда два раза въ теченіе одной недѣли пріѣзжать въ Тулу и оба раза на самое короткое время и для одной только поговорки. И хотя мнѣ таковыя частыя помычки, а особливо въ тогдашнюю жестокую стужу и не весьма были пріятны, но какъ перемѣнить было не чѣмъ, то принужденъ я былъ переносить то съ терпѣніемъ. По крайней мѣрѣ, радъ я былъ тому, что около сего времени жена моя выздоровѣла и начала по-прежнему выѣзжать со двора и могла съ нами вмѣ-

стѣ разѣзжать по гостямъ въ наступившую тогда у насъ масленицу.

Но едва только начали мы бѣшеную недѣлю сію провождать по старинному обыкновенію своему въ катаніи и разѣздахъ другъ къ другу, какъ является къ намъ вдругъ пріѣхавшій, противъ всякаго чаянія и ожиданія, изъ Калуги, вновь опредѣленный въ нашъ городъ городничимъ, грузинскій князь Назаровъ, по имени Егоръ Михайловичъ, и привозить прежнему нашему городничему г. Сухотину повелѣніе, чтобы онъ сдалъ ему городъ, а самъ бы перѣѣжалъ въ Тулу, по причинѣ пожалованія его въ тульскую казенную палату совѣтникомъ, а ко мнѣ словесное повелѣніе отъ намѣстника, чтобы и я пріѣхалъ къ нему неукоснительно въ Калугу.

Легко можно заключить, что все сіе сдѣлало масленнымъ нашимъ увеселеніямъ великое помѣшательство. Съ одной стороны жаль было намъ всѣмъ нашего прежняго городничаго, съ которымъ, живучи столько лѣтъ вмѣстѣ, имѣли мы время свыкнуться и сдружиться; да и самому ему охотнѣе хотѣлось бы остататься по-прежнему въ Богородицкѣ, нежели жить въ Тулѣ, почему онъ не весьма радъ былъ и своему производству и множайшему жалованью; съ другой стороны—надлежало намъ вновь спознакомливаться съ новымъ, который и съ самаго уже начала казался намъ человѣкомъ, хотя добрымъ, но далеко не такимъ пристодушнымъ и дружелюбнымъ, каковъ былъ прежній, но, по природѣ своей, болѣе лукавымъ, скрытнымъ и практическимъ. Онъ не преминулъ на другой же день ко мнѣ пріѣхать, для сдѣланія мнѣ визита и сообщенія мнѣ помянутаго намѣстническаго повелѣнія, которое еще болѣе насъ смущило и озабочило. Итакъ, послѣдніе дни масленицы и хотя провели мы въ разѣздахъ и свиданіяхъ другъ съ другомъ, но далеко уже не такъ весело какъ первые.

Итакъ, недумано-нигадано приужденъ я тотчасъ, по наступленіи великаго поста, опять въ путь отправляться и всю

первую недѣлю проводить въ семъ путешествіи, ибо въ Калугѣ я въ сей разъ былъ не болѣе однихъ сутокъ. Надобность намѣстника до меня состояла въ томъ, что какъ онъ, будучи въ Петербургѣ, имѣлъ случай нѣсколько разъ съ императрицею о нашихъ волостяхъ разговаривать и получилъ отъ нея на многія представленія его разрѣшенія, то какъ онъ во всемъ надѣялся и полагался во всемъ болѣе на меня, нежели на моего командинга г. Давыдова, то минувъ его, хотя онъ непосредственно дать обо всемъ, что было нужно, повелѣніе. Итакъ, занявши со мною цѣлое утро разговорами и потомъ унавъ у себя обѣдать и давъ на все за подписаніемъ своимъ повелѣнія, въ слѣдующее утро меня и отпустилъ обратно, чѣмъ я былъ весьма и доволенъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни коротко былое въ сей разъ въ Калугѣ пребываніе, но я успѣлъ кой-гдѣ побывать и кой съ кѣмъ видѣться какъ въ Калугѣ, такъ и въ проѣздѣ мой чрезъ Тулу. Въ первой имѣлъ я случай видѣть родного брата намѣстника Петра Никитича и славнаго въ тогдашнее время бывшаго гвардейскаго маюра, Федора Матвеевича Толстаго, съ которымъ и я вмѣстѣ у него обѣдалъ. А послѣ обѣда успѣлъ побывать и у знакомцевъ своихъ г. Кошелева и секретаря намѣстническаго г. Михайлова, который, будучи сродни нашей новой городничихъ, отмѣнно комѣ ласкался и доставилъ особенное удовольствіе, показавъ мнѣ свой натуральный и медальныи кабинетъ, которымъ не могъ я довольно налюбоваться. Въ Тулѣ же бѣзились я съ г. Сокольниковымъ вечеркомъ на оружейный заводъ и съ отмѣннымъ удовольствіемъ и любопытствомъ разсмотривалъ сдѣланную модель всему затѣянему намѣстнику вновь оружейному заводу, которая, безъ всякаго сочиненія, стоила многихъ денегъ, трудовъ и работы, но въ послѣдствіи времени ни къ чemu не послужила и осталась только памятникомъ великоколѣннымъ затѣямъ г. Кречетникова.

Какъ вся сія ъзда продолжалась менѣе недѣли (и я поѣхавъ въ понедѣльникъ, успѣлъ въ субботу возвратиться уже и назадъ, и поспѣть еще къ обѣду), то неожидавшіе столь скораго возвращенія моего, родные мои были тѣмъ крайне обрадованы, и тѣмъ паче, что я привезъ съ собою и дозволеніе, данное мнѣ отъ намѣстника съѣздить съ ними на короткое время въ Москву, для исправленія нѣкоторыхъ нашихъ надобностей.

Итакъ, проводивъ съ ними и случившіеся быть тогда у насъ теткою госпо-жею Арцыбышевою и пріѣхавшимъ къ намъ въ сіе же время родственникомъ нашимъ Петромъ Алексѣевичемъ Кирѣевымъ и его семействомъ и племянникомъ его, прежнимъ моимъ ученикомъ и воспитанникомъ господиномъ Семеновымъ, первое воскресеніе и послѣдующій день,— собрались мы опять въ путь и вмѣстѣ съ женою и старшою мою дочерью и пустились въ новое путешествіе.

Ъзда наша въ сей разъ, по случившимся дурнымъ тогда погодамъ была беспокойная, и мы не прежде какъ въ четвертый уже день пріѣхали въ Москву и остановились въ сей разъ на Шаболовкѣ, въ домѣ у знакомца и пріятеля нашего Ивана Ефремовича Кислинскаго и стояли вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ самое тоже время и нашими Федешовскими родными. И какъ хозяинъ нашъ былъ человѣкъ одинокій и квартиру имѣлъ довольно просторную, то и намъ всѣмъ было довольно покойно.

Какъ главная наша нужда состояла въ исправленіи нужныхъ для себя разныхъ покупокъ, то и пробыли мы въ сей разъ въ Москвѣ не болѣе 4-хъ сутокъ и замучились отъ безпрерывной и ежедневной ъзды то въ ряды, то для свиданія съ кѣмъ было нужно, почему не произошло съ нами въ сей разъ ничего особыхъ. Совсѣмъ тѣмъ успѣли мы побывать у старинныхъ нашихъ Офросимовыхъ и друга нашего г. Кологривова, а я повидаться съ пріятелемъ своимъ г. Владыкинымъ и г. Новиковымъ и съ симъ послѣднимъ переговорить обо всемъ

нужномъ, относящемся до моего «Экономического Магазина» и съ нимъ счастья.

Итакъ: и вторую, и третью недѣли великаго поста находился я отъ дома въ отлучкѣ и въ безпрерывной волокитѣ. Въ Богородицкъ возвратились мы не прежде какъ уже предъ самимъ Благовѣщеніемъ, 23-го марта, и рады были, что убрались до наступленія самой половоди, которая вскорѣ по возвращеніи нашемъ и началась. Я возвратился въ Богородицкъ не совсѣмъ въ спокойномъ духѣ, ибо въ проѣздѣ мой чрезъ Тулу при свиданіи съ полукомандиромъ моимъ г. Давыдовымъ, получилъ я отъ него, между прочимъ, многія такія приказанія, которыя ввергли меня въ великое недоумѣніе и озабочили такъ, что я не зналъ что дѣлать. Были они совсѣмъ несообразны съ прежними его поступками, и даже ни съ чѣмъ не сообразны, а что всего хуже — ни мало несоответственны безпристрастному и прямо усердному попеченію намѣстника о волостяхъ нашихъ. Ибо надобно знать, что между тѣмъ какъ сей о истинной пользѣ нашихъ волостей и о умноженіи казен-наго дохода и о введеніи во всемъ лучшаго порядка помышлялъ и старался [не послѣдовалъ оному] давно г-нъ Давыдовъ и, не соотвѣтствуя ни мало его къ себѣ милостямъ и довѣрію, помышлялъ только о томъ, какъ бы ему и чѣмъ бы то ни было отъ волостей нашихъ можно было поживиться и нагрѣть себѣ руки; а потому и выдумалъ всѣ удобовозможные къ тому способы; а всходствіе того и предлагалъ мнѣ отъ времени до времени, многое такое, чего мнѣ никакъ, не подвергая себя гибѣ, отъ намѣстника, исполнить было не можно. А такого точно рода были даныя мнѣ и въ сей разъ нѣкоторыя его приказанія, которыя заставили меня не только думать, но и нацрѣгать всѣ силы ума и знанія своего, чтобы изобрѣсти какое-нибудь такое посредство, что и онъ сколько-нибудь удовлетворенъ могъ быть въ своихъ желаніяхъ и я не могъ подвергнуться дальнему за то отвѣту. И признаюсь, что самое сіе наиболѣе меня во все время управлѣнія его волостями

озабочивало и отягощало. Не рѣдко случалось, что я, по пословицѣ говоря, принужденъ бывалъ «ужемъ и жабою вертѣться» и употреблять «и лисій хвостъ и волчій ротъ», либо для уничтоженія беспредѣльныхъ его вожделеній, либо для сокращенія и уменьшенія его чорныхъ и непозволительныхъ замысловъ. И хотя то иногда и удавалось, но какъ не было ни силъ, ни возможностей ему противоборствовать, то доходило не рѣдко до того, что я со страхомъ и трепетомъ принужденъ бывалъ выполнять его повелѣнія.

Кромѣ сего озабочивало меня тогда и то, что мнѣ, не помню для какой-то необходимости, нужно было на другой же день по возвращеніи моемъ отправить сына моего одного въ Тулу, и это было еще самое первое путешествіе, въ котороеѣ ъѣздили онъ одинъ и, по счастію, не смотря на всю дурноту пути и начинающееся половодіе, онъ коммиссію, возложенную на него, исправилъ и успѣлъ еще до половодіи большой къ намъ на другой день возвратиться.

Всѣдѣ за тѣмъ начались мои хлопоты и обыкновенная ежегодная заботы о прудахъ нашихъ. Всѣхъ ихъ надлежало то-и-дѣло осматривать и гдѣ нужно было спуски и плотины поправлять и починивать, а особенно на прудахъ, вновь мною сдѣланныхъ. Вездѣ-и-вездѣ разставлены и опредѣлены были у меня люди, для наблюденія за ними, и со всѣхъ сторонъ доставлялись мнѣ ежечасныя почтиувѣдомленія, хорошо-ли вода стекаетъ и не дѣлаетъ ли гдѣ какового поврежденія. Въ каковыхъ случаяхъ безъ памяти бѣжалъ или скакалъ я на лошадяхъ самъ туда, для скорѣйшаго и лучшаго поправленія. Словомъ, всякая половодь была для меня почти сущею катаргою: я не имѣлъ ни минуты почти спокойной и нерѣдко принужденъ былъ вставать даже ночью и спѣшить туда, куда требовала надобность, и невѣдомо какъ радъ всегда бывалъ, когда половодь начинала уже проходить и оканчивалась благополучно.

Въ сихъ заботахъ и попеченіяхъ о пру-

дахъ засталъ меня апрѣль мѣсяцъ, начавшійся въ семъ году на пятой недѣли великаго поста. И какъ въ сіе время обнаружилися уже всѣ мѣста, а особенно возвышенныя, отъ снѣга, то начались у меня новыя заботы и хлопоты. Я обѣгѣлъ и объѣзжалъ всѣ мѣста, въ саду и въ окрестностяхъ, примѣчалъ, не испортила ли гдѣ чѣго вода и спѣшилъ приказывать поправлять всѣ поврежденія, а особенно въ моемъ водоводѣ. А между тѣмъ помышлялъ уже заблаговременно о томъ, чтѣ-и-что мнѣ сею весною вновь дѣлать и предпринимать, и съ нетерпѣливостью дожидался того, чтобы земля обсохла и можно-бѣ было приступить къ надворнымъ работамъ.

Между тѣмъ были у меня и другія нужнѣйшія хлопоты. Претерпѣваемая досель тѣснота въ моемъ домѣ побуждала меня воспользоваться даннымъ мнѣ отъ намѣстника дозволеніемъ распространить оный пристройкою нѣсколькихъ покоевъ. И какъ нужный къ тому еловый лѣсъ и прочіе материалы были закуплены и привезены еще зимою, то и спѣшилъ я начать сіе дѣло, и основавъ оное, вѣльѣ плотникамъ рубить свою пристройку и поспѣшать колико можно.

Состояла она собственно въ двухъ довольно просторныхъ комнатахъ, изъ которыхъ одну назначалъ я для своей гостинной, а другую—для своей спальни съ нишемъ; но для сохраненія угловъ приставилъ я ихъ не вплоть къ старымъ хоромцамъ, а аршина на четыре отступия отъ оныхъ, дабы, соединивъ промежутокъ сей простѣнками, можно было выгадать еще два покойца: одинъ маленький, для проходной гостинной, а другой—для буфета, гардерона и просторныхъ сѣней; съ боку же вѣльѣ я прирубить еще небольшой флигель для ткацкой, а черезъ все сіе, по отдѣлѣ всего, и состоялся мой домикъ довольно просторный и помѣстительный.

Между тѣмъ имѣлъ я то неудовольствіе, что отняли у меня садовника, который такъ много помогалъ мнѣ при начальномъ устроеніи сада. Намѣстникъ

возьмѣль обѣ немъ, по рекомендациѣ моей, столь хорошее мнѣніе, что, будучи въ Петербургѣ, расхвалилъ его кому-то изъ знатныхъ, имѣющему нужду въ садовника, и я принужденъ былъ потомъ уступить ему его, а г. Давыдовъ приказалъ пріискать для себя, и нанять какованибудь другова садовника. Но сie скопѣ можно было сказать, нежели сдѣлать: ничего у насъ труdnѣе вѣтъ, какъ отыскать хорошаго наемнаго садовника, и я не только принужденъ былъ дожидаться долгое время другова, но и послѣ, хотя и прислали ко мнѣ вѣмца, но онъ и ноги его не стоилъ; а между тѣмъ я принужденъ былъ оставаться совсѣмъ безъ садовника и лишенъ въ семъ ровно какъ правой своей руки, производить уже самъ, или пользоваться глупыми садовыми ученичисками.

Въ самое тоже время пріѣхалъ къ намъ и приглашенній пѣтъ Калуги Есмѣмъръ (?) для росписыванія алфresco-нижнихъ покоевъ во дворцѣ. Сie доставило мнѣ хотя новыя заботы и хлопоты, но сему человѣку былъ я радъ, поелику онъ былъ совершенный мастеръ своего дѣла, и я всякий день съ удовольствиемъ посѣщалъ его и сматривалъ на его искусную работу. Я не могъ ею довольно налюбоваться, и мнѣ осталось болѣе у него перениматъ, нежели ему въ чемъ-либдѣ указывать. Однако ко многому и я преподавалъ ему мысли, и онъ охотно соѣтамъ моимъ послѣдовалъ, а наши совокупныя мысли и труды и производили то, что всѣ комнаты росписаны были отмѣнно хорошо и всѣ видѣвшіе ихъ превозносили искусство его невѣдомо какими похвалами.

Какъ скоро сошолъ снѣгъ и земля сколько-нибудь обсохла, то и приступилъ я опять къ садовыимъ работамъ. Мое первое дѣло состояло въ томъ, чтобы назначить юртины и мѣста подъ посадку яблонь и грушъ и другихъ плодовитыхъ деревъ, съ которыми хотѣлось отмѣнно г. Давыдову напичкать большую половину нашего сада, хотя сie ни мало не совмѣстно было съ садомъ натураль-

нымъ, и я не очень былъ па то сначала согласенъ. Но увидѣвъ, что сего моему командирю неотмѣнно хотѣлось и онъ брался достать въ Тулѣ и прислать намъ потребное къ тому числу наиболѣйшихъ родовъ плодовитыхъ деревьевъ, то согласился наконецъ на то и я, и потому всю шестую недѣлю наусерднѣйшимъ образомъ трудился надъ назначеніемъ мѣстъ подъ оныя. Но какъ же досадовалъ послѣ, когда прислано было ко мнѣ хотя превеликое множество молодыхъ яблонь и грушъ, купленныхъ въ Тулѣ самимъ командиромъ моимъ неслыханною почти дорогою цѣною, но всѣ онѣ были ни куда не годныя и не было почти ни одного порядочнаго деревца, принадлежащаго къ родамъ именитымъ и хорошимъ, а всѣ были такая дрянь, что жалко было занимать ими и мѣста въ таковомъ знаменитомъ садѣ. А что того еще было хуже, то всѣ онѣ были въ такомъ худомъ состояніи и вырыты были съ такимъ небреженіемъ, что никакой почти надежды не было, чтобъ онѣ всѣ пропались, а особенно въ тамошнемъ, повидимому хотя очень хорошемъ, но подъ плодовитыя деревья совсѣмъ неспособномъ грунтѣ. Чтѣдѣйствительно и воспослѣдовало послѣ, и я сколько обѣихъ ни старался, но не имѣлъ удовольствія и пятой доли изъ нихъ видѣть принявшиимися и пошедшими въ ростъ свой.

Произошло сie наиболѣе отъ того, что какой-то бездѣльникъ тульскій оружейникъ, навязавъ по какому-то случаю почти насильно всю сю негоду на г. Давыдова и вытягивъ за нихъ такую сумму денегъ, какой и четверти доли онъ не стоили. Почти уже извѣстно какъ у нихъ сошлось тамъ сie дѣло. Но какъ я въ поступкѣ сей и въ самой затѣи не имѣлъ ни малѣйшаго участія и за доброту ихъ не могъ отвѣтствовать, то и мало я о томъ и заботился, а досадно было мнѣ только то, что могли иные подумать, что не принялъся онъ отъ моего нераченія.

На Вербное посѣтили меня тогдашніе винные откупщики г. Хомяковъ, А. Ф.,

и господа Мансуровы. Но какъ все они были друзья и пріятели моему командину, имѣвшему съ ними тайная связы, то, противъ хотѣнія моего, принужденъ я, въ угодность ему и по точному его приказанію, дѣлать имъ возможнѣйшія удовлетворенія въ разсужденіи продажи вина, и съ досадою принужденъ былъ смотрѣть, что вмѣсто прежней строгости и отвращенія крестьянъ отъ пьянства, дана была симъ господамъ полная и совершенная воля хозяйствовать въ волостяхъ, какъ имъ хотѣлось, и дѣлать все, что имъ было угодно. И они такъ хорошо пользовались симъ дозволеніемъ, что истинно не доставало только того, что вина насильно не лили мужикамъ въ горло. И богатые наши мужички наметали имъ столько денегъ, что доходовъ съ нихъ получали они болѣе, нежели сколько самой императрицѣ доходило съ ихъ оброка. И я съ истиннымъ негодованіемъ принужденъ былъ смотрѣть на сіе сквозь пальцы.

Не лучшее хозяйство производимо было командиномъ моимъ и съ налпими карпами. До сего по продажѣ оныхъ получали мы въ казну ежегодно значительныя суммы, а въ сіе время только и зналь я, что получалъ ордеръ за ордеромъ, письмо за письмомъ, чтобы отпустить тому и тому и со полшеста-сотъ за ничего незначущую цѣну или вовсе безъ заплаты. А что того еще хуже, для многихъ покупать на казенные деньги бочки, нанимать лошадей и отиравлять ихъ съ солдатами за нѣсколько сотъ верстъ на казенномъ кошѣ безъ единаго возврата. А все сіе долженъ былъ я производить съ крайнею досадою и негодованіемъ и чтобы не навлекать былъ по крайней мѣрѣ доволенъ тѣмъ, что на всѣ таکія законныя и незаконныя издержки получалъ ордера и повелѣнія, слѣдовательно и въ семъ не подвергался отчата (sic). Со всѣмъ тѣмъ случалось иногда, что при непонятныхъ и сумнительныхъ требованіяхъ я нѣсколько упирался и чрезъ то подавать поводъ командину моему жаловаться инымъ на меня,

что я упорстную иногда и не все то исполняю, чѣмъ ему хочется. Друзья его не преминули меня о томъ извѣстить. Но я, уважая болѣе повелѣнія намѣстника и предохрания самъ себя отъ отвѣта, мало сіе уважалъ, а продолжаль дѣлать то, чѣмъ повелѣвалъ мнѣ долгъ и что дѣлать было должно.

Наконецъ настала у насъ Страшнѣя недѣля, въ которую мы, по обыкновенію, говѣли. И препроводилъ всю ону въ богомоліи и въ трудахъ надворныхъ. И какъ было сіе время года самое уже напспособнѣйшее для весенней садки деревъ, то всѣ остающіяся отъ богомолія минуты употреблялъ я на распоряженія сей садки въ саду какъ плодовитыхъ деревъ и кустарниковъ, такъ и привозимыхъ изъ лѣса, и насадилъ опять превеликое множество оныхъ въ мѣстахъ разныхъ. А между тѣмъ въ великой четвергѣ мы исповѣдывались и, по обыкновенію, пріобщались Святыхъ Тайнъ.

Святая недѣля началась у насъ въ сей годъ съ 20-го апрѣля, и мы провели ее довольно весело, и тѣмъ паче, что случились въ теченіе оной и другіе праздники, какъ-то: въ попедѣльникъ былъ день торжественный, а въ четвергъ была старшая моя дочь Елпавета, которой исполнилось тогда 18-ть лѣтъ и пошелъ 19-й, имянинница. Итакъ, по поводу обоихъ оныхъ были у меня игры для всѣхъ нашихъ городскихъ, и разныя увеселенія. Нашего прежняго городничаго хотя тогда уже у насъ не было, и онъ жилъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Туле и мы лишились въ немъ доброго сотоварища, но и съ новымъ мы успѣли уже около сего времени ознакомиться, и начинали уже переѣзжаться другъ съ другомъ. Но всѣмъ они, то-есть мужъ и жена, далеко были не таковы какъ прежніе, и все обращеніе ихъ не такъ было простодушно и откровенно, какъ г. Сухотина; однако мало-по-малу посыклись и довольно сдружились мы и съ ними.

Привезеніе изъ Тулы яблонокъ воспрепятствовало намъ препроводить и достойные дни сей недѣли въ такихъ же

увеселеніяхъ, какъ и начальны. Но я съ пятницы принужденъ былъ приступить къ садкѣ оныхъ и прочихъ деревьевъ и кустарниковъ, также къ поправленію и прочищенію моихъ водоводовъ. А между тѣмъ выдумывалъ и затѣвалъ новыя для сада и также необыкновенныя украшенія, и мои первыя шомышленія были о сдѣланіи въ самой близости подлѣ сада на тѣхъ двухъ фальшивыхъ насыпяхъ фігуръ, которые такъ много его лѣтомъ украшали и для всѣхъ посѣщающихъ оныхъ служили пріятнымъ сюрпризомъ. Я воспользовался къ тому косиною противоположнаго берега ближней вершины и изобразилъ одною изъ нихъ огромную и развалившуюся уже отчасти башню съ нѣсколькими пристройками прямо въ ландшафтномъ видѣ, а другою—порядочной вышинѣ садовый домикъ, или большой павильонъ, съ восмерикомъ надъ онымъ. И мнѣ удалось какъ-то обѣ ихъ сдѣлать такъ хорошо, что я самъ не могъ ими довольно налюбоваться. Всѣ же пріѣзжающіе въ садъ для гулянья обрадовались ими такъ, что не хотѣли даже вѣрить, чтобы были это только насыпи, а въ самомъ дѣлѣ—ни развалинъ, ни зданій никакихъ тамъ не было. А что всего лучше, то обѣ фигуры сіи были не только издали съ проведенныхъ противъ ихъ дорогъ хороши, но и въ самой близи были не дурны и столько же почти глаза обманывали. Совсѣмъ тѣмъ я тогда только ихъ еще затѣвалъ и изображалъ сперва въ своихъ мысляхъ и отчасти начинать ихъ рисовать драницами, а отдалко ихъ занимался уже послѣ.

Впрочемъ достопамятно, что въ јоминное воскресеніе была у насъ въ сей годъ въ Богородицѣ сватьба: женился нашъ соляной приставъ Михаилъ Максимовичъ Викулинъ на госпожѣ Нечаевой, дѣвушкѣ, живущей съ отцомъ своимъ въ Епифанскомъ уѣздѣ. И какъ женихъ въ особливости приверженъ былъ дружбою къ нашему дому, то приглашены были и мы на сю сватьбу, которая и была хотя не пышная и не богата, но довольно

порядочная и парадная, и мы таки довольно повеселились на оной.

Междудѣмъ съ наступленіемъ јоминой недѣли начались у насъ уже въ развалъ всѣ садовыя и другія работы, и я такимъ же образомъ, какъ и въ прошедшее лѣто, занимался оными ежедневно и посвящалъ имъ почти все свое время. А какъ и работныхъ людей и всякаго рода мастеровыхъ согнано было множество, то едва успѣвалъ все нужное имъ показывать и распоряжать дѣлами ихъ, а въ томъ я провелъ достальные дни апрѣля.

Симъ окончу я сіе мое письмо, достигшее до своей обыкновенной длины и скажу вамъ, что я есмь вамъ, и прочее.

(Февраля 17-го дня 1810 года).

Письмо 222.

Любезный пріятель! Наступившій послѣ сего мѣсяца май ознаменовался болѣзнею моей старшой дочери и былъ для насъ всѣхъ очень горестнымъ и печальнымъ и по сему обстоятельству весь для насъ достопамятнымъ. Занемогла она у насъ не въ самомъ началѣ сего мѣсяца, но [на] другой день нашего праздника Николаева дня. И произошла болѣзнь сія собственно отъ простуды. Будучи, по обыкновенію женщинъ, подражающихъ во всемъ матерямъ своимъ, приверженнаю слишкомъ къ частому хожденію въ церковь, не хотѣла она никакъ преминоватъ, чтобы и въ сей праздникъ не быть въ нашей церкви, несмотря какъ ни была она отмѣнно холодна отъ случившейся на тотъ разъ самой скверной погоды. И какъ она была по молодости и суетности своей очень легко одѣта, то и простудилась такъ, что нажила оттого себѣ самую простудную горячку. Весьма многое поспѣшествовало къ тому и то, что она въ тотъ же деньѣ вѣздила съ наими въ городъ въ гости, и тѣмъ еще болѣе простуду свою умножила. Но какъ бы то ни было, но сначала болѣзнь сія казалась ничего незначащею, и потому, обманувшись какъ-то, по несчастію мы

ее и не уважили и упустили первыя и нужнейшия минуты къ предвареню сего зла черезъ напоеніе ее своимъ цѣлебнымъ дѣокотомъ. Но послѣ схватились, но уже было поздно. Я во все сіе время занятъ былъ премногими дѣлами, а потому мнѣ сначала никто о томъ не сказалъ, боясь, чтобъ я за неосторожность и излишнюю набожность не сталъ браниться. Итакъ, мнѣ было и не до того, чтобы о томъ помышлять, а жена моя также какъ-то болѣзнь сію сначала не уважила и мало-по-малу допустила ее такъ увеличиться, что хотя мы уже всѣ старались ей всячески помогать, но все уже не посѣбляло, и она, бѣдняжка, черезъ нѣсколько дней слегла совсѣмъ въ постель, и болѣзнь ее такъ увеличилась, что не въ состояніи былъ помочь ей и самыи уже нашъ лѣкарь. Словомъ, она превратилась въ настоящую и прежестокую и самую злую и продолжительную горячку, доведшую ее черезъ нѣсколько дней до самаго края гроба и до того, что мы нѣсколько разъ совсѣмъ уже отчаявались и считали, что она неминуемо умретъ, и даже причастились, приготовили уже къ самой смерти.

Не могу никакъ изобразить, сколь горестно и печально было для насъ все то время, покуда сія ея болѣзнь продолжалась и каковы были для насъ тѣ дни, въ которые бывала она въ наивеличайшей опасности и мы считали ее уже умирающею. По особливой нашей къ ней и всеобщей любви жаль намъ было ее чрезвычайно, и мы все сіе время, которое, къ вящему огорченію нашему, продолжилось очень долго и болѣе мѣсяца, были почти вѣнѣ себя отъ горести и печали. Но молодость ея и особое счастливое пропшество, что вся недужная матерія произвела не внутри ея, а снаружиantonовъ огонь, и обстоятельство, что мы благовременно то усмотрѣли,—спасли ее въ сей разъ отъ смерти. Я не успѣлъ услышать, что на лядвѣ показалось какое-то синее и черноватое пятно, какъ въ тотъ же мигъ носкакалъ за лѣкаремъ, а сей, узнавъ, что было то дѣйствитель-

но антоновъ огонь, въ тотъ же мигъ сталъ спѣшить останавливать его разными травяными припарками и имѣлъ въ томъ успѣхъ возжелѣній. Напослѣдокъ воспослѣдовалъ и возжелѣній кризисъ или переломъ болѣзни, и она, къ неописанному обрадованію нашему, стала приходить въ память, и хотя очень медленными шагами, но начала мало-по-малу выздоравливать.

Но не успѣла она подняться на ноги, какъ напало на насъ новое горе. Помянутый остановленный антоновъ огонь, по начавшемуся гніенію всего зараженаго мѣста, надлежало вырѣзывать и рану сію у ней опять залѣчивать, чтобъ опять продлилось очень долго, и если не помогло намъ въ семъ случаѣ искусство нашего лѣкаря, то не знали бы мы, чтобъ сѣ не и дѣлать. Но сіе было далеко еще не все. Но послѣдствіемъ болѣзни сей было то, что она впала въ глубочайшую иппохондрію и начала всего-и-всего бояться и дѣлаться равно какъ повредившееся въ умѣ. А сіе сразило насъ всѣго болѣе. Мы отчаявались почти въ совершенномъ ея выздоровленіи и не прежде успокоились какъ по прошествіи дѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, когда исчезли уже всѣ и малѣйшия слѣды ея болѣзни, и она пришла въ совершенное опять здравье.

Междуду тѣмъ какъ все сіе продолжалось, происходило у насъ много всякой всячины. И сколько духъ мой не былъ огорченъ и обуреваемъ сожалѣніемъ о сей любимой моей дочери, но я при всемъ томъ не оставлялъ заниматься и прочими своими дѣлами, а особливо бывшими тогда въ самомъ развалѣ многими садовыми и другими работами. Пристройка моя приходила тогда къ своему окончанію, и я имѣлъ множество хлопотъ при обѣдливаніи оной внутри и дѣланіи ея къ житію удобною. Надлежало класть въ ней печи, оклеить ее обоями, подѣлить потолки, дѣлать перегородки и прочее. и прочее. И какъ сначала она намъ, во время дочериной болѣзни, ипъ мѣшала и бѣ душевному беспокойству ни при-